

МОЛОДЕЖЬ КАК ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

А.В. Макаров

Молодежь новой политической и “социально-технологической” реальности рассмотрена как важнейшая социальная сила, формирующая политическую жизнь современного общества.

Ключевые слова: созидательное поколение; поколение “несостоявшееся”.

По событийному содержанию и тенденциям первые 10 лет XXI века можно смело называть постклассической эпохой во многих областях социальной действительности, в частности в отношении политики. Дают сбой почти все классические политологические законы, перестают действовать традиционные политические закономерности и взаимосвязи, становятся все менее эффективными классические методологии и методы анализа и прогноза политических событий и процессов. Причин тому много, среди них большое значение имеют как объективные культурно-стратификационные причины, так и субъективные технологические (прежде всего, речь идет о модернизации методов социально-политической инженерии), причем первые все более связываются со вторыми, превращая эту связь в некую новую тенденцию “мира политическо-го”. Социальная структура обществ даже “третьего мира”, особенно вовлеченных в динамичные геополитические процессы из-за своего “пограничного” положения по отношению к геополитическим центрам, стремительно меняет-

ся, становясь все более подвижной и гетерогенной. В связи с этим традиционные социальные группы потихоньку утрачивают свою определяющую роль в политической жизни общества и “политической игре” геополитических игроков. На первые роли по своей функциональной значимости выходят новые или прежде бывшие периферийными социальные образования. Среди последних все чаще фигурирует молодежь. Неслучайно современные технологии социально-политической инженерии переориентируются на потенциально перспективных “бенефициариев”, одновременно и учитывая их социально-психологические особенности и активно их эксплуатируя. Попытаться ответить на вопрос, что из себя сегодня представляет политика, каковы современные генерализации и тенденции функционирования политических систем можно лишь при учете и детальном анализе этой “новой социально-технологической реальности”.

Молодежь как активная социально-политическая группа в этом отношении особенно значительна, хотя бы потому что полемика между

учеными по поводу определения молодежи, критериев выделения ее в самостоятельную группу, ее возрастных границ имеет давнюю историю и не прекращается до сих пор. Ученых разделяют разные подходы к предмету изучения – с позиций социологии, психологии, физиологии, демографии, а также традиций классификации, сформировавшихся в тех или иных научных школах. Немалую роль играют также идеологические факторы, поскольку молодежь сегодня находится на острие политической борьбы. Постепенно в ходе научных дискуссий определились основные подходы к социологическому определению ее сущности. При этом важнейшими группообразующими признаками молодежи большинство авторов признали возрастные характеристики и связанные с ними особенности социального положения, а также обусловленные теми и другими социально-психологические свойства. Основную же проблему в социально-политическом определении молодежи создает то обстоятельство, что молодость как этап жизненного цикла биологически универсальна (ее проходят представители абсолютно всех последующих общественных страт), но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют строго определенную социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей процессов социализации. Из объективности процесса развития молодежи как социальной группы вытекает методологическая посылка учитывать, что не всякое изменение характеризует развитие молодежи, а лишь осуществляемое в единстве таких его свойств, как необратимость и направленность. “Если свойство необратимости социальных изменений подрастающего поколения характеризует устойчивость процесса и отличает развитие молодежи от ее функционирования, то направленность изменяющихся характеристик молодежи придает процессу развития внутренне взаимосвязанный характер. Неустойчивость же отдельных позитивных социальных изменений в среде молодежи, появление непрогнозируемых, спонтанных явлений свидетельствует о том, что эти изменения еще не стали необратимыми. Перечисленные проявления социального качества молодежи, переходя в процессе развития одно в другое, дополняют друг друга как внешне и внутренне, обуславливая ее социальную сущность, которая реализуется посредством деятельности. Таким образом, при социальном анализе молодежи в качестве группообразующих рассматриваются следующие

относительно самостоятельные, однако прочно взаимосвязанные составляющие: потенциальные сущностные (личностный потенциал) и побудительно-мотивационные силы, а также социальная деятельность, которая является способом реализации сущностных сил” [1].

С методологической точки зрения наиболее острым вопросом остается следующий: в качестве какой именно группы продуктивнее рассматривать молодежь, ее поведение и перспективы в социально-политических процессах общества? Представляется, что с точки зрения социально-философского анализа молодежь стоит рассматривать прежде всего как поколенческую социальную группу. И вот почему. При усилении динамики социальных процессов, особенно в ходе достаточно радикальных смен параметров функционирования общества (что характерно для постсоветского пространства) существенно возрастает роль поколений как активных акторов исторических изменений. Причем понижение их значимости возможно лишь при условии достаточной стабилизации ситуации и формирования широкого круга традиций функционирования систем. Не секрет, что именно “поколение восьмидесятых”, став основной производительной силой общества и заняв ключевые позиции в экономике, политике и культуре, неизбежно сформулировало новую идеологию и новую государственную политику во всех постсоветских государствах. Причина этого кроется в том, что поколение тех, кому сейчас от 30 лет, является первым поколением, сформировавшимся в условиях постсоциализма. Представители этого поколения уже сейчас почти полностью формируют и определяют общественное мнение. Так что с достаточной долей уверенности можно говорить, что мы сегодня живем в мире, созданном “поколением восьмидесятых”. Таким образом, именно исследование феномена любого нового поколения становится базой, на которой можно будет строить просчитанные стратегии развития современных обществ. Актуализируется такой методологический подход тем обстоятельством, что в условиях социальных реформ, происходивших в последнее десятилетие, социальная структура общества подверглась серьезным трансформациям, которые могут быть с полным правом охарактеризованы как деклассирование общества, выразившееся в стирании различий между прежними социальными группами и, как следствие, исчезновение этих групп. Сегодня идет активный процесс нового группообразования. Но на этот процесс трансформации социальной

структуры общества накладывается другой, не менее значимый процесс – смены исторических поколений.

Насколько методологически оправдано и эмпирически возможно использование концепта “поколение” для анализа молодежи как социальной группы? Для ответа на этот вопрос прежде всего следует обратиться к самому понятию. Современные трактовки поколения исходят из того, что оно существенно отличается от любых других социальных образований. Если под социальной группой подразумевать союз индивидов, осуществляемый в силу естественно развившихся или установленных осознанно-волевым усилием связей, то люди, принадлежащие к одному поколению (социальной группе), несомненно, некоторым образом связаны друг с другом. Однако простое наличие связи между ними не приводит автоматичеки к образованию конкретной поколенческой группы. Но если так, то в состоянии ли мы определить и понять природу поколения как социального феномена? Для ответа на этот вопрос К. Манхейм ввел понятие “местоположения группы в обществе”. Членство в организации определяется сознательным волевым актом. Место же в обществе, принадлежность к общности означает, что *все стороны* личного бытия испытывают влияние конкретной группы [2]. “Сходство местоположения может быть определено только путем спецификации структуры, через посредство которой это коллективное местоположение возникает в историко-социальной реальности. К примеру, если положение класса основано на существовании в обществе изменяющейся экономической и властной структуры, то поколение в качестве социологического феномена основывается на биологическом ритме рождения и смерти” [3]. Все факты принадлежности к одному и тому же классу, к одному и тому же поколению имеют некую общую черту: в обоих случаях индивиды занимают определенное положение в социальном и историческом процессе. Тем самым до определенного уровня *ограничивается* их потенциальный опыт, и они склоняются к специфическому образу мыслей и характерному, исторически уместному образу действий. Если так, то конкретное местоположение *исключает* большее разнообразие стилей мысли, опыта, чувств и поступков, обозначает *предел для персонального самовыражения*. Однако эта негативная граница не исчерпывает существа дела. Каждому местоположению в позитивном смысле присуща тенденция, ориентирующая на определенные способы поведения,

чувствования и мышления. Каждой группе лиц, принадлежащих к одному поколению, общество всегда представляется под одинаковым углом зрения, оно знакомо им из регулярного опыта. Как подчеркивает С. В. Анохин, “...если природа местоположения класса объяснима, исходя из экономических и социальных условий, то местоположение поколения предопределено тем способом, которым обычно воплощаются в реальность определенные образцы опыта и мысли. Общество, где поколение сменяет поколение, характеризуется тем обстоятельством, что культуротворчество и накопление культуры не доводятся до конца одними и теми же лицами; и то и другое непрерывно воспроизводится в новых возрастных группах. Это означает, что культуру развивают люди, впервые и заново вступающие в соприкосновение с накопленным наследием. Наша психическая природа такова, что свежий контакт (встреча с чем-либо снова) всегда подразумевает изменение чувства дистанции относительно объекта и новый подход к его усвоению, использованию и развитию” [3]. Таким образом, характеристика явления “поколение” при помощи категории “местоположение” уместна, но, видимо, недостаточно полна. В целом местоположение указывает на наличие у поколения *возможностей*, которые могут либо материализоваться, либо оказаться подавленными. Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении – пассивно или активно пользоваться привилегиями (или, наоборот, испытывать затруднения), свойственными местоположению поколения, – нужно быть рожденным в одном и том же историческом и культурном ареале. Но как *общественно-политическая реальность* поколение подразумевает нечто большее. Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности. “Индивиды одного возраста становятся единым поколением, а само поколение приобретает статус социальной реальности, когда местоположение в поколении трансформируется в реальное участие, когда эти индивиды активно или пассивно переживают опыт взаимодействия” [3].

Это, конечно же, не отрицает того, что внутри поколения оформляются группы, по-разному осмысливающие исторический опыт, по-своему реагирующие на него. К. Манхейм называл эти группы поколениями-“секциями” [4]. Правда, проблемным остается вопрос: какие из множества связей, объединяющих индивидов в поколе-

ния или разъединяющих их на “секции”, являются наиболее прочными? Чаще всего отмечают, что весьма значительным эффектом интегративности являются “ментальные” установки, и именно их можно рассматривать как существенные факторы социализации представителей поколения. При этом собственно события, в которые погружены индивиды, как таковые не являются главным фактором, создающим группу. Гораздо большее значение имеют формообразующие силы, придающие фактам как характер, так и направление. “Современная психология предоставляет все больше доказательств в пользу образности человеческого восприятия, даже на самом элементарном уровне восприятие объектов не происходит так, как в это заставляла нас верить прежняя, атомистическая психология: целостное впечатление приходит не путем постепенного суммирования множества элементарных данных чувственного опыта, а, наоборот, начинается с общего впечатления об объекте как целом” [3]. Как форма, так и контекст понятий несут на себе печать группы, к которой мы принадлежим. Поэтому вхождение в группу означает необходимость смотреть на вещи под тем же углом зрения и наделять понятия теми смысловыми нюансами, какие характерны для данной группы. А это, в свою очередь, означает усвоение формообразующих принципов интерпретации новых впечатлений и событий, отвечающих установленному группой шаблону.

В качестве результирующего вывода можно предложить следующий: местоположение в поколении является актуальным только в качестве потенции. Поколение как реальность составляет тогда, когда местоположение современников дополняется их готовностью “нести крест” группы, разделить ее общую судьбу, а также усвоить и исповедовать ее идеалы, идеи и ценности. При этом в общности людей с общей судьбой могут возникнуть отдельные секции поколения, даже антагонистические. И тем не менее, совместно они составляют одно “реальное” поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, даже в плоскости борьбы друг против друга. Особенность поколения-секции в том, что оно налагает на тех, кто к нему принадлежит, гораздо более конкретные и тесные узы, подразумевает параллелизм реакций. Основные объединительные установки и формообразующие принципы, символизируемые поколением-секцией, могут стать эффективными и пригодными для распространения, когда в них формулируются наиболее типичные ощущения индивидов, разделяющих “местоположение” реального поколения. Как

классовая идеология в периоды, которые ей благоприятствуют, может стать притягательной за пределами собственной среды, так и импульсы, свойственные поколению, могут, когда тенденция времени для них благоприятна, привлечь людей из старших или младших возрастных групп. Благодаря этому эффекту отдельные поколения могут моделировать новую социальную реальность и задавать тон на перспективу.

Следует отметить еще одну деталь. Чем быстрее темпы социальных и культурных изменений, тем больше вероятность того, что новые формирующиеся поколения склонны там, где это возможно, примыкать к предыдущему поколению, уже выработавшему удовлетворительную структуру принципов, ценностей и целей. В результате импульсы и тенденции, свойственные их поколению, могут так и не проявиться ввиду бытийствования ясно выраженной формы другого поколения, к которому они примыкают. Прав К. Манхейм, подытоживший свою концепцию поколений следующим образом: «Из всего этого вытекает, что не всякое поколение выстраивает свою собственную, особенную модель мировидения и воздействия на мир; ритму “местоположений” следующих друг за другом поколений, основанному, главным образом, на биологических факторах, необязательно сопутствует параллельный ритм характеристик успешной мотивации и формообразующих принципов. Возникает ли новый стиль поколения, зависит от того, запущен ли он механизмом социального и культурного процесса» [2].

Поколение “молодежи восьмидесятых” в Кыргызстане сформировало нашу современную социально-политическую жизнь во всех ее проявлениях: как системы ценностей, как суммы установок, как видов практик. Хорошая или плохая эта система – вопрос сложный. Но именно “поколение молодежи восьмидесятых” являлось ее творцом. “Поколение молодежи девяностых” существенно отличается в этом аспекте. Социально адаптированный человек (к какому бы психологическому “типу” он ни относился) примыкает к тому течению, которому случается стать преобладающим в том социальном кругу, к которому он принадлежит. Тогда как социально не адаптировавшийся индивид любого психологического типа обычно должен прояснить свою позицию, принимая во внимание доминирующую тенденцию своего времени. Дезадаптированная “молодежь девяностых” не создает своего социального мира, она в китчевом варианте воспроизводит мир “поколения восьмидесятых”.

Может быть, в этом следует искать объяснение “оранжевых революций”, активизации агрессивности как “кетсинизма”, так и “одобрямса”, столь свойственных современным молодежным организациям и движениям, то есть тому, что разрушительные действия или последствия активности “молодежи девяностых” пока явно превосходят созидательные. Бесспорно, молодежь следует рассматривать как социальный резерв, но исходить необходимо из того, что от социальной структуры общества зависит, будут ли эти резервы (и какие из них) мобилизованы и интегрированы в функцию.

Литература

1. Социология молодежи / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1996.
2. Манхейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М., 2000.
3. Анохин С.В. О концепте “поколение” // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
5. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социс. 2004. № 10.